

Новая книга стихов Евгения Чигрина «Невидимый проводник», в определённом смысле, – ретроспектива его творческого пути с оглядкой на прошлые книги и продолжением привычной ноты, обретающей иную окраску звучания.

Чигрин, словно сёрфингист, оседлавший волну, крепко держится её гребня, демонстрируя стабильность и уверенность во всём разнообразии своего житейского и поэтического бытия. Выходят его книги стихов, он частый гость на страницах литературных журналов, ему грешно жаловаться на невнимание критики, за ним – целый набор различного рода литературных премий, поэт – участник многочисленных поэтических фестивалей в России и за рубежом, он вообще много путешествует, и это отражается в его стихах.

Последняя в этом ряду информация требует пояснения: стихи Чигрина, навеянные впечатлениями от посещения стран и городов, менее всего являются стихотворными отчётами экскурсионных событий. Автор разборчив в выборе знаковых имён, названий, событий, исторических параллелей. Он много знает, многое видит, о многом размышляет. Тот материал, с которым его сталкивает жизнь, странным образом преобразуется в музыкальную канву стихотворного текста. Его стихи музыкальны, звук живёт в них полноценной жизнью, наполняя строку сильной экспрессией.

Можно было бы сказать о его чутье и вкусе, как о признаках хорошей школы, но тут больше прочитывается природный дар автора. Ему известны разнообразные приёмы письма, он хорошо оснащён технически, прекрасно знаком с литературными течениями прошлых времён и современности, но определяющими для себя выбирает традиции русской лирической поэзии, декларируя это негромким, но твёрдым голосом:

...Подкармливаю музыку и снова бросаю взгляд в прошедшие миры:
Я – космонавт постпушкинского слова, я – огонёк постблоковской поры.

Стихи Чигрина пестрят культурно-историческими образами, но при этом постоянно вырывают на простые приметы повседневности, ставя горнее и долнее на один уровень, уровень реальной жизни, отображая философский взгляд Чигрина на эту жизнь:

И домолчаться до условных знаков
Из мира параллельного, когда
Текут к созвездьям сны архипелагов,
Консервной банкой смотрится звезда.
И маяку сложить стихотворенье
О маяке, сигналищем во мгле:
Схватить на дактиль чудное мгновенье –
Свет корабля, как память о земле...

Соединяя несоединимое, автор рассказывает нам, каким он видит то, что кажется привычным и устоявшимся. Тема эта не раз повторяется в поэзии Чигрина:

Я как-то хотел объясниться с баржой,
Со смертью, глядящей собором,
С химерой-метафорой, смертной водой –
Единственным словом, с которым
Сумел разойтись на мосту Сен-Мишель,
На мостик Менял засмотревшись.
Блуждающим взглядом лоя цитадель,
С какой-то подробностью спевшись...

Эта способность спеться с подробностями окружающего мира – характерная черта его творчества. При этом он всё время сдерживает себя, не форсирует голос, сохраняя свою интонацию, будто бы, не доверяя себе, сомневаясь, а потому и не допуская просчёта:

Мой голос *так себе*, мой дар убог: навряд ли это может называться
Талантом. Сочинил немного строк, которые кому-нибудь приснятся
По случаю? По музыке души? Я ставлю вопросительные знаки,
Как в космосе, плыву себе в тиши... Живу себе. Рисую на бумаге
Кириллицу, которую давно нам выдумали умные мужчины:
Смотрю в окно, равно гляжу кино, там белый мост, там огненные
джинны...

Никогда не предугадаешь, куда заведёт читателя его стихотворная речь. Обозначая географические и временные пространства, поэт, кажется, ведёт нас по определённом курсу, однако же движение стихотворного сюжета, причудливо извиваясь, побуждает к неожиданному осмыслению привычных понятий и представлений.

Но сколь часто ни обращайся поэт к мировым именам и символам, дыханием российского пространства и духа его стихи прикасаются к самым тонким струнам души. И тогда Чигрин раскрывается, как самый настоящий лирический поэт:

В Хвалынске Россию хоть ложкою ешь,
Хоть музыку Волги смыкай
Неправильной рифмой, стоящею меж
Словами, глядящими в рай,
Где длится Купание красного... Где
Сливаются мальчик и конь,
И прячутся рыбы в зелёной воде,
А в синем – закатный огонь...

Мне кажется, что поэт, доверяясь своему искреннему чувству и переживанию, сильнее всего завораживает нас своим настроением. Такие стихи автора мне видятся самыми определяющими в его поэзии, самыми непосредственными и искренними из его стихов. Тут полностью освобождается его дыхание, звучит его музыка:

Тончайший шорох листьев... Скоро нам
Невидимый опустит осень... Осень
Уже дохнула музыку ветрам,
Две стрелочки свела на цифре восемь.

Если внимательно проследить за движением поэтического сюжета этой книги, обнаружится возвращение к одним и тем же образам во всём разнообразии их метафорического воплощения. Это своеобразные камертоны, поддерживающие строй всей книги:

Глаза поднимешь – осень на дворе:
От жёлтого к пунцовому, к астралу
Селены в неокрепшем октябре,
Идущему по голубому шару.

И что-то там за мёртвым лесом, что –
Похоже на видение без смысла...
На мальчика в летающем пальто,
На девочку, что облаком повисла.

Его Осень всякий раз – знаковое проявление грусти, печали, любви:

Притихнет осень. Промолчу слова:
Что говорить состарившейся кляче?
С несильным солнцем гаснет синева,

Жизнь исчезает так или иначе.
Да облачко под облаком плывёт,
Так родственно, как будто бы вначале...
Деревья переходят осень вброд,
Темнеют двор и разные печали...

Эта щемящая нота – самый точный и чистый звук в поэзии
Евгения Чигрина:

...Уходит день на тающих своих –
Своих двоих... Всего на грошик света.
Мы в сумерках, мы числимся в живых...
Пронзает мглу зелёная комета.

Этот «грошик света», как ни странно, пронизывает пространство,
освещает даль светом надежды, оправдывая наше пребывание на земле.